

Нет у никакого
Заречья... ничего
там делать живому
человеку.

В наследство
надо вступить. Дом
от дяди остался.

Дом не пустует.
Тот, с кем Витька
расплачивался,
всё ещё там.
Ждёт.

ЦЕНА ЗАБЫТОГО ДОЛГА

Yu. Elisey

18+

Yu. Elisey

Цена забытого долга

«Автор»

2026

Elisey Y.

Цена забытого долга / Y. Elisey — «Автор», 2026

Мистический хоррор-рассказ, погружающий в гнетущую атмосферу заброшенной глубинки конца 90-х и её жутких тайн. Главный герой, обычный парень Вадим, отправляется в вымершую деревню Заречье, чтобы вступить в наследство и продать огромный дом покойного дяди Виктора Соколова. Для Вадима это единственный шанс закрыть давящие кредиты, однако на месте он сталкивается с чертовщиной, которая не поддается разумному объяснению. Оказывается, его дядя — криминальный авторитет из прошлого — поднялся на вершину власти благодаря сделке с древним и голодным подземным злом. Дядя умер, но страшный долг перед сущностью, питающейся человеческим страхом, не исчез. Вадиму предстоит не просто бороться за выживание, а спуститься в тёмный подвал, чтобы своими руками запечатать жуткую печать и искупить грехи своей семьи. Рассказ держит в напряжении благодаря динамичному сюжету, нарастающему чувству изоляции и классическим элементам жанра: заколоченным зеркалам, оживающим покойникам, проклятым аудиозаписям.

© Elisey Y., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава Цена забытого долга	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Yu. Elisey

Цена забытого долга

Глава Цена забытого долга

Серый осенний день медленно угасал, растворяясь в липком, холодном киселе из мелкой мороси и тумана. Вадим сидел за рулем своей «Лады», сжимая запотевший пластиковый стаканчик с дешевым, пережженным кофе. Мотор машины натужно гудел, дворники с тоскливым скрипом гоняли по лобовому стеклу грязную воду.

Остановка на полузаброшенной заправке за двадцать километров до въезда в район была ошибкой — но без бензина он бы просто встал посреди леса.

Заправка выглядела так, будто её бросили ещё в конце девяностых. Потрескавшийся асфальт, проросший сухим бурьяном, одна работающая колонка с пожелтевшим циферблатом и обшарпанный вагончик-бытовка, над которым уныло мигала одинокая люминесцентная лампа.

Вадим вышел из машины, ежась от пронизывающего ветра, и постучал в мутное окошко бытовки. Внутри сидел оператор — сгорбленный старик в засаленной телогрейке и вязаной шапке, надвинутой до самых бровей.

— На тысячу девяносто второго, — Вадим положил на лоток мнятую купюру.

Старик медленно поднял голову. У него были странные глаза — полностью помутневшие, с белёсыми катарактами, словно у вареной рыбы. Но смотрел он прямо на Вадима.

— Далеко собрался, милоч? — голос у старика был сухой, с неприятным хрипом, будто в горле у него пересыпался мелкий гравий.

— В Заречье, — коротко ответил Вадим, не желая вступать в долгие разговоры. Ему хотелось побыстрее заправиться, доехать до места, осмотреть этот чертов дом и вернуться в город.

При слове «Заречье» старик замер. Пальцы, пересчитывавшие деньги, остановились.

— Нету никакого Заречья, — тихо проговорил он, глядя куда-то сквозь Вадима. — Автобусы туда пять лет как не ходят. Почту не возят. Даже электрики туда провода не тянут — рвёт их там вечно. Нечего там делать живому человеку.

— Да мне ненадолго, — нахмурился Вадим, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — В наследство надо вступить. Дом от дяди остался. Соколов Виктор, знаете такого?

Старик медленно откинулся на спинку старого стула. Стул жалобно заскрипел.

— Витька Соколов... — протянул он, и на его губах появилась нехорошая, кривая ухмылка. — Век бы его не знать. Упырь был, а не человек. На крови поднялся, на чужом горе нажился. Вы на его машины гляньте — в девяностые к нему полгорода бандитов съезжалось. А потом тихо стало. Поодиночке уезжали, а иные и вовсе не возвращались. Ты, парень, ему кем приходишься?

— Племянник, — буркнул Вадим.

— Племянник... — старик тяжело вздохнул и качнул головой. — Кровь, значит. Кровь к крови тянется. Ты бы не ездил туда, сынок. Витька-то сдох, говорят. Месяц назад его не стало. Да только дом его... дом не пустует. Тот, с кем Витька расплачивался, всё ещё там. Ждет.

— Слушайте, отец, мне ваши деревенские страшилки ни к чему, — отрезал Вадим, забирая чек. — Включите колонку.

Старик ничего больше не сказал. Он лишь молча повернул тумблер. Бензин с глухим гулом потек по шлангу, а Вадим вернулся в салон машины, пытаясь сбить легкий, неприятный озноб, пробежавший по спине.

«Задолбали эти суеверные старики, — думал он, глядя на темнеющую стену леса впереди. — Один старик свихнулся в своем доме, другой тут на заправке кукухой поехал. Обычная заброшенная деревня. Оформлю бумаги, продам перекупщикам за бесценок — и закрою долг по кредиту. Всё».

Но слова старика, как мелкие иголки, всё равно засели где-то в глубине подсознания.

Асфальт кончился ровно за указателем района. Дальше началась грунтовка, размытая осенними дождями. «Лада» шла тяжело, колеса буксовали в жидкой грязи, снизу по дну постоянно били мелкие камни и сухие ветки.

Чем глубже Вадим въезжал в лес, тем гуще становилась темнота. Деревья смыкались над дорогой тяжелым, черным сводом. В свете фар туман казался живым: он клубился, скручивался в длинные серые жгуты, которые перебежали дорогу прямо перед бампером, словно какие-то бестелесные существа.

Через полчаса такой езды машина перевалила через очередной холм, и перед Вадимом открылась низина, в которой лежало Заречье.

Деревня казалась мертвой. Ни одного огонька в окнах, ни дыма из труб. Осевшие, перекошенные избы смотрели на дорогу темными глазницами выбитых окон. По дворам гулял ветер, поскрипывая оторванными листьями железа и незапертыми калитками.

Дом дяди Виктора стоял на самом отшибе, у подножия темного елового массива.

Он был огромным. Двухэтажный сруб из черного, почти обугленного на вид бревна возвышался над остальными избушками как мрачная крепость. Высокий дощатый забор вокруг участка частично обвалился, а во дворе буйствовал рослый, высохший чертополох.

Вадим заглушил двигатель. В тот же миг тишина накрыла его плотным, тяжелым покрывалом. Она была настолько абсолютной, что парень слышал, как в его собственном ухе пульсирует кровь.

Он вылез из машины, достал из багажника тяжелый фонарь и связку ключей, полученную у нотариуса. Сырой воздух моментально пробрал до костей. На улице пахло озоном, гнилыми листьями и... чем-то еще. Слабым, едва уловимым запахом тухлого мяса, который тут же перебивался верховым ветром.

Прежде чем идти к крыльцу, Вадим посветил фонарем по сторонам.

Возле соседнего перекошенного дома стояла фигура.

Вадим от неожиданности вздрогнул и резко направил луч света туда. В свете яркого светодиода стояла пожилая женщина в выцветшем платке. Она опиралась на старую деревянную клюку и смотрела прямо на него. Её глаза не щурились от яркого света — она просто стояла и смотрела, не моргая.

— Эй! Бабушка! — окликнул ее Вадим, сделав пару шагов к забору. — Здравствуйте! Это же дом Виктора Соколова?

Женщина не шелохнулась. Лишь через несколько секунд её сухие, потрескавшиеся губы разжались.

— Не ходи туда, сынок, — проговорила она. Голос был тихим, но в звенящей тишине деревни слышался отчетливо, словно она шепталась прямо у него над ухом. — Витька оттуда не ушел. И тебя не отпустит.

— Бабушка, дядя умер в больнице месяц назад, — вздохнул Вадим, стараясь говорить спокойно. — Я его наследник. Мне просто надо дом посмотреть.

— Умер?.. — бабка тихо, сухо зачихала-засмеялась. — Физика его умерла, а грех-то остался. Он в подвале сидит. Каждый вечер стучит, вылезти хочет. Витька ему кровь носил, а ты что понесешь? Свою отдашь?

Вадим насупился.

— Понятно. Спасибо за тёплый прием, — сказал он, разворачиваясь к дому дяди.

— Не оставайся на ночь! — донеслось ему в спину уже сильнее, почти с угрозой. — Как солнце за лес зайдет — оно проснется! Беги, парень! Беги, пока колеса целы!

Вадим не стал оборачиваться. Он поднялся по скользким от дождя ступеням крыльца, подобрал нужный ключ и вставил его в замочную скважину тяжелой дубовой двери.

Ключ повернулся с трудным, металлическим скрежетом. Дверь подалась не сразу — пришлось навалиться всем весом.

С треском и вздохом старого дерева дверь распахнулась в непроглядную темноту прихожей. Из глубины дома на Вадима вырвалась волна ледяного, застоявшегося воздуха, недурно пахнувшего пылью, старыми книгами и всё тем же сладковатым, тошнотворным запахом.

Вадим сделал шаг через порог и щелкнул выключателем на стене.

Разумеется, ничего не произошло. Свет не загорелся.

Он поднял фонарь. Луч выхватил из темноты просторный коридор. Стены были оклеены старыми, пожелтевшими обоями, которые в нескольких местах свисали длинными полосами. На полу лежали пыльные ковровые дорожки.

Но первое, что сразу бросилось в глаза и заставило Вадима замереть — это зеркало.

В прихожей висело большое овальное зеркало в резной раме. И его зеркальная поверхность была полностью, наглухо закрашена густой, тяжелой черной краской.

Вадим подошел ближе и провел пальцем по поверхности. Краска высохла давно, она была нанесена неровными, паническими мазками, словно тот, кто это делал, очень спешил и ужасно боялся пропустить хоть один миллиметр стекла...

Вадим отдернул палец от закрашенного зеркала. На подушечке остался тонкий след старой пыли. Он посветил лучевым фонарем дальше, вглубь коридора. Темнота внутри дома казалась не просто отсутствием света — она ощущалась как плотная, тяжелая масса, которую приходилось буквально раздвигать плечами.

— Ладно, — вслух произнес Вадим, чтобы заглушить гулкую тишину. — Оценить обстановку, сделать пару кадров на телефон и назад. В машине переночую, если что.

Он прошёл в зал — большую, высокую комнату с массивными потолочными балками. Здесь пахло ещё хуже: к запаху застоявшейся пыли примешивался стойкий душок сырой земли и чего-то сладковато-приторного.

Мебель в зале была тяжелой, добротной, осталась явно еще с конца девяностых. Огромный кожаный диван с потрескавшейся обивкой, полированная стенка из темно-орехового массива, массивный дубовый стол по центру. На столе валялась хрустальная пепельница, полная истлевших окурков, и недопитая бутылка коньяка, покрытая палевым слоем пыли.

Но главное — зеркала.

В зале их было два. Огромное трюмо в углу и небольшое декоративное зеркало над диваном. И оба были закрашены всё той же черной, матовой краской. Ни одного открытого отражающего лоскута.

Вадим подошел к трюмо. Кто-то орудовал кистью с дикой, нечеловеческой спешкой: черные потеки застыли каплями на резной деревянной раме. Он провел ногтем по слою краски, попытался соскрести кусочек — но краска вгрызлась в стекло намертво.

«Дядя явно сходил с ума на почве паранойи, — подумал Вадим, доставая из кармана телефон. — Обычная шизофрения. Закрасил всё, чтоб не видеть себя... или кого-то за спиной».

Экран смартфона вспыхнул. «Нет сети». На значке антенны красовался жирный крестик.

— Отлично. Полная изоляция, — пробормотал он, включая камеру и делая первый снимок зала. Вспышка на секунду выхватила из мрака пылинки, кружащиеся в воздухе, и прогнувшийся под тяжестью старых книг стеллаж.

Вадим сделал шаг к стеллажу. На полках рядами стояли книги. Но не художественные романы и не классика. Тут были тяжелые тома по оккультизму, старые справочники по анатомии, книги по гипнозу и целая подшивка газет за 1997–1999 годы.

Он потянул из стопки одну из газет — «Вечерний регион» от 14 октября 1998 года. Бумага от старости стала сухой и хрупкой, как сухой лист. На первой полосе чернел крупный заголовок: «Криминальный передел в Заречье: найден брошенный автомобиль, владельцы объявлены в розыск».

В заметке скупенько сообщалось, что двое предпринимателей из областного центра выехали на встречу с местным бизнесменом Виктором Соколовым и бесследно исчезли. Ни тел, ни следов борьбы. Только пустая «БМВ» со вскрытыми дверями на обочине лесной дороги.

Под заглавием кто-то — явно рукой дяди — нанес размашистую пометку красным маркером: «Они не ушли. Они под нами. Земля всё впитала».

Вадима обдало холодом. Он аккуратно положил газету обратно.

— Ну и семейка, — прошептал он, отступая от стеллажа. — Отец говорил, что дядя Витя прокручивал темные дела... Похоже, он не просто прокручивал. Он был конченым бандитом.

В этот момент со стороны кухни раздался звук.

Это не был скрип или вздох старого дома. В полной тишине четко и отдельно прозвучал металлический звон. Будто кто-то на кухне взял чайную ложку и со всей дури звякнул по пустому граненому стакану.

ДЗИНЬ.

Вадим замер. Сердце моментально подскочило к самой гортани, отбивая оглушительный дробный ритм.

— Эй! — крикнул он, вскидывая тяжелый фонарь и направляя мощный луч света в сторону дверного проема кухни. — Кто там?! Вылезай! Я не один приехал!

В ответ — тишина. Только собственное рваное дыхание да тяжелый стук крови в висках.

Вадим крепче сжал рукоять фонаря, сделал глубокий вдох и медленно, шаг за шагом, пошел к кухне. Каждый шаг по старым половицам отзывался глухим треском.

Кухня оказалась небольшой, заваленной грязной посудой и пустыми консервными банками. На столе стоял тот самый граненый стакан. В нем лежала обычная металлическая ложка.

Но ложка всё ещё... подрагивала. От неё по стенкам стакана шли микроскопические колебания, издавая тихое, еле слышное звяканье.

Вадим подошел ближе, боясь перевести дух. Он посветил на стакан. Рядом с ним на клеенке виднелся свежий, абсолютно мокрый след. След от человеческой ладони. Но ладонь эта была странной — слишком длинные, тонкие пальцы, и на месте подушечек виднелись не отпечатки кожи, а глубокие, рваные борозды.

Вода в следе ещё не успела испариться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.